

Глава 3

ПОСТТРАВМАТИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА

В случаях Стефании и Александра, как и многих других детей, попытка регрессии в постразводном кризисе оказалась неудачной. В попытках преодолеть кризис расставания ребенок откатывается назад к ранним стадиям развития, на поверхность выходят внутренние конфликты, которые характерны для этих стадий, страдают все части «Я». Второй регрессивный сдвиг — не защитный, а травматический — не помогает преодолеть накопившиеся страхи, а оставляет ребенка наедине с ними.

Таким образом, дети, чья жизнь похожа на жизнь Стефании и Александра, в течение долгих недель, а то и месяцев после развода находятся в отчаянном положении — таком, как у Манфреда и Катарины сразу после известия о расставании родителей.

В какой-то момент, на отрезке между срывом привычной системы защиты и полным разрушением этого посредством регрессии, начинается новый виток. Страхи, не поддающиеся контролю, заставляют детей использовать более эффективные механизмы (разумеется, все это бессознательные процессы), которые защищают их от полного разрушения, неизбежно ведущего к душевным заболеваниям. Душевное равновесие, достигнутое посредством регресса, держится на уровне, который ниже психического уровня, достигнутого до развода или травматического кризиса после него. И это имеет серьезные последствия для будущего развития.

Чем архаичнее страхи, возникающие в ходе конфликтов влечений, тем массивнее «внутренняя оборона». И чем примитивнее защитные механизмы, доступные ребенку, тем больше части «Я» страдают от симптомов, развивающихся после защиты. В конце травматического постразводного кризиса развивается инфантильный невроз — такова цена восстановленного баланса. Симптомы крайне неспецифичны, большей частью связаны с типом инстинктивных конфликтов и реакциями окружающих, особенно матери.

У Стефании невроз в истерической форме: она вытеснила свои разрушительные и сексуальные побуждения, заменив их недетской материнской предусмотрительностью, опекой над матерью, а также другими взрослыми и детьми. Стефания заботится обо всем, помогает, где нужно, и использует любую возможность понравиться каждому. Мать девочки была счастлива и считала, что та преодолела переживания развода; ей и в голову не приходило рассматривать «хороший характер» дочери как невротический симптом. Хотя даже неспециалисту был виден невротический характер «приятного» поведения Стефании. Она так старалась всем понравиться и завоевать признание, что даже дружелюбным детям казалась навязчивой. С другой стороны, ее было не в чем упрекнуть — так тонко она контролировала свое окружение. В результате девочку любили, но не по-настоящему, она это чувствовала и удваивала свои старания.

Далее, защитная функция «хорошего» поведения обнаруживается в те моменты, когда данный способ получения признания, привязанности и контроля терпит неудачу. Если мать ругает девочку или если друг ее предает, начинаются приступы истерики. В сравнительно безобидных ситуациях — если мать возвращается домой позже обычного, или если машина приближается слишком близко к тротуару,

или если кто-нибудь играет с открытым огнем, Стефания впадает в панику, кричит, истерично плачет, кидается на пол или убегает прочь. Нельзя предсказать, что принесет ей будущее. Ясно одно: инфантильные неврозы — почва для невротических расстройств во взрослом возрасте.

Манфреду и Катарине тоже придется иметь дело со страхами, вызванными травмой. Для этих детей мир не только не распался после развода, отчасти их положение даже улучшилось. Симптомы переживания развода у обоих были достаточно яркими, и взрослые, скорее всего, связывали изменения в поведении именно с разводом. Вспомним *Катарину*. Девочка вела себя так, как если бы она была одна в целом мире. После психоаналитической терапии мать постаралась вернуться в статус любящего объекта. Она старалась быть милой, насколько возможно, и устанавливала границы там, где ребенок мог оказаться подавлен, — прежде всего речь об агрессивных влечениях, которые сами по себе вызывают страх. Это было нелегко, матери приходилось буквально держать ребенка на руках. В это время консультант решал главную задачу — избавить мать от страхов перед ребенком. Он также помог женщине перестать идентифицировать себя с агрессией ребенка, спроектированной на мать, и не реагировать на проявления бессильного гнева. Через несколько дней отчаянной борьбы с матерью Катарина упала в ее объятия, которые та держала раскрытыми. На коленях матери, обхватив ее руками, девочка плакала полчаса, потому что потеряла любовь и обрела ее вновь. С помощью разговоров и игр, которые назначались «порциями» в течение нескольких недель, Катарине удалось искоренить травмирующий ужас, который ей принес развод родителей. По нашему мнению, Катарина сумела освободиться от посттравматического слома системы защиты.

С Манфредом получилось иначе. Сцены, которые он затягивал дома и в школе, не заставили ни учительницу, ни мать натянуть «страховочную сеть» подобную той, которая помогла Катарине. Мать не желала мириться с его «истерическими припадками», как она позже сама выразилась, и пыталась внушить сыну благоразумие, иногда такими методами, как домашний арест, пощечины и постоянный крик. Через год после ухода отца некогда живой и развитой мальчик впал в депрессию, потерял друзей, он часами сидел перед телевизором и грыз ногти. Как и Стефания, Манфред справился со своими внутренними конфликтами только благодаря огромным регрессивным усилиям, приведшим к развитию невротических симптомов.

Осознание детьми окончательного разделения родителей и формирование невротических симптомов в ходе посттравматической защиты образуют начало и конец спектра психологических процессов, возникающих как реакция на развод. Мы уже видели типичные варианты психологических реакций на развод — их не следует путать с разными внешними формами, то есть видимыми изменениями в поведении. У нас сложилось определенное впечатление о взаимосвязи между психическими процессами у детей и поведением окружающих (прежде всего родителей и особенно матери) в ходе развода и после него. Прежде чем удастся получить полное представление об этих процессах и определяющих их факторах, нам предстоит ответить на несколько вопросов:

1. Поскольку связь между травмирующей регрессией и отношениями «родитель — ребенок» достоверна, следует предположить, что существуют факторы, определяющие дальнейший исход:
  - ❖ Какой объем поддержки окружающих нужен ребенку, чтобы вновь обрести душевное равновесие?

- ❖ Как долго может ребенок или его система защиты выносить временное отсутствие материнской компетентности?
- ❖ В какую стадию прежнего отношения к объекту он регрессирует?
- ❖ На какое место, в какой отрезок времени и к какому виду страха его возвращает данный процесс, а также какие «посттравматические» методы защиты он использует?

2. Психоаналитический опыт показывает, что ответственность за эти вопросы следует возложить на тип и структуру объектных отношений. Большую роль здесь играет опыт бесконфликтных объектных отношений первых трех лет жизни, который, несомненно, вооружает ребенка для борьбы с трудностями развода и постразводным кризисом. Данное предположение, тем не менее, оправдывается не всегда. В частности, вывод противоречит ситуации в той группе детей, чья система защиты оказалась особенно устойчива в трудные недели и месяцы после развода. Это дети, у которых еще до развода были частые ссоры с родителями, прежде всего с матерью. После расставания родителей у таких детей наблюдались менее заметные изменения в поведении, самое большее — усиливались агрессивные симптомы. Кажется, что изменение материнского объекта, с которым сложно справиться другим детям, для участников этой группы оказалось не так уж обременительно. Похоже, они просто привыкли ограничивать свои запросы, адаптировались к агрессии во время конфликтов. Значит ли это, что они просто раньше преодолели страхи, которые охватили других детей лишь после развода?

3. Вопросы о том, какова предыстория, в какой семье дети жили до развода и как это может повлиять на их со-

стояние в ситуации расставания родителей, возникают прежде всего, когда мы вспоминаем о детях вроде Манфреда и Катарины, которые болезненно реагировали на развод, злились и грустили, что не останутся с отцом. Что придало фигурам отцов Манфреда и Катарины такое особенное, экзистенциальное значение?

В предыдущих главах мы определили разделение родителей и осознание этого разделения детьми как некую «нулевую точку». Теперь займемся вопросом психического развития ребенка до развода — особенности этого развития играют важную роль в том, как ребенок будет преодолевать свалившийся на него кризис.